

Доволен ли своей актерской судьбой исполнитель
тридцати киноролей Николай Еременко

«Сердечная акробатика»

«Дорогая редакция! Пишет вам учительница из города Килии Одесской области Надежда Яковлевна Герладжи. Вот уже несколько лет являюсь постоянной подписчицей вашей газеты. Но пишу вам впервые, прочитав беседу с Людмилой Зайцевой «Нет, я не Офелия!» Только что по Центральному телевидению показали вновь фильм «Красное и черное» С. Герасимова с Николаем Еременко в роли Жюльена Сореля. Считаю, что это — одна из самых больших удач актера. Но как дальше сложилась его судьба? Что он делает?..»

Мы познакомились с этим письмом заслуженного артиста РСФСР Николая Еременко. А заодно попросили его ответить на ряд других вопросов, поставленных нашими читателями. Например, т. Жуков из Усть-Каменигорска считает, что в последнее время, несмотря на обилие выходящих фильмов, актерское искусство снижается. Чем это можно объяснить?

— Думаю,— говорит Николай Еременко,— наш кинематограф сегодня располагает замечательными актерами. Но вот парадокс: идет перестройка, все заинтересованы в качестве фильмов, а ярких образов на экране, истинных творческих актерских открытий стало меньше. В чем тут дело? Некоторые из моих коллег склонны считать, что во многом актер поставлен в зависимые условия от режиссера. Отснявшись в очередной картине (и, по общему признанию, довольно удачно), он зачастую даже и представить себе не может, что же останется в конечном счете на экране: как прогуляются по его работе «режиссерские ножницы» в ходе монтажа? И если еще недавно режиссер справедливо сетовал на провал «редакторских ножниц», которые «портили» его картину, то нам, актерам, и сетовать вроде бы не на кого: а ведь часто бывает, что после «режиссерских ножниц» искажается даже весь смысл твоей работы. Из всех кинематографических профессий ныне самая бесправная в этом смысле — наша, актерская.

Вспоминаю в связи с этой работой с Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым, нашим учителем и по институту, и по фильму «Красное и черное». Спасибо Надежде Яковлевне, которая отметила мою работу в этой картине, но я, наверно, как и все мои коллеги по экранизации знаменитого романа Стендаля, должен все-таки сказать: главная заслуга в том, что нам, тогда совсем молодым актерам, удалось многое,— в удивительной работе С. Герасимова. Он меньше всего заботился о своем режиссерском «я» — это должны были за него сделать мы, актеры, оператор, художники картины. Им был отретепирован каждый кадр фильма: он вел нас к своему прочтению романа с уверенностью и тактикой, и страгега, которому будущая картина была известна во всех деталях. Вот этой выверенности замысла мы зачастую ныне не ощущаем в работе со многими режиссерами. Тех, кто умеет и любит трудиться с актерами, можно сосчитать буквально по пальцам. Может ли при этом не падать престиж и уровень нашего актерского искусства? Я не говорю о таких мастерах, как, допустим, Ролан Быков, Никита Михалков, Иннокентий Смоктуновский, Александр Калягин, Олег Табаков, Анатолий Ромашин, Леонид Филатов, которые сами способны режиссировать свою роль в любом фильме.

— Мы долгое время не касались вопроса бытия наших актеров. Обходили их стороной или стыдливо замалчивали.

— Почему стыдливо? Да потому, что актер с высшим образованием получает в театре на тридцать рублей меньше, чем, к примеру, уборщица в метро. Какие уж тут легенды о «красивой жизни» артиста, о его небывалых заработках? Сейчас, когда перестройка коснулась и нашего дела, необходимо, чтобы была пересмотрена оплата актерского труда. Ведь не секрет, что многие молодые актеры ведут фактически нищенское существование. С возмущением приходится констатировать, что чиновники из Министерства финансов не желают рассматривать все эти вопросы, войти в наше положение.

Сравните: на Западе почти девяносто процентов всех отпущенных на производство картин денег уходит на актера (это костюмы и гонорары); в социалистических странах — примерно пятьдесят шесть процентов, а у нас, даже неловко говорить,— всего лишь одиннадцать!... Отсюда и «поток», и стремление где-то, извините, «подхалтурить». В общем, духовное и экономическое положение подавляющего большинства наших актеров на самом низком уровне. А актер еще должен постоянно работать над собой, много читать, многое знать, чтобы быть на уровне своего времени...

Не менее острая проблема, тоже возникшая не сегодня: чтобы актер хорошо мог работать на съемочной площадке, он должен иметь нормальные, человеческие условия. А у нас зачастую отсутствуют самые элементарные условия, нет горячей воды, возможности нормально поест. Тебя могут поместить в двухместном номере, где не то что порокать вы-

спаться невозможно. Тебя могут не встретить в аэропорту или на вокзале, и ты сам будешь добираться к месту съемок, плутая в незнакомом городе. В договоре, который мы заключаем с киностудией, масса пунктов, которые администрацией почти всегда не выполняются, но стоит что-то нарушить актеру или запоздать не по своей вине, гром разразится над его головой и пойдет о нем дурная слава как о зазнавшейся «звезде». Сгласитесь, все это не способствует творческому настрою.

— Уж не говоря о том, что у нас, к сожалению, почти не принято писать сценарии на определенных актеров.

— Зато вот на конкретных режиссеров — это есть! Задайте себе вопрос: сколько интересных картин не снято, например, с прекраснейшим романтическим актером Олегом Стриженовым? А для меня он — величина не меньшая, чем знаменитый Жерар Филип! Все режиссы видят на экране уникальный та-

лант Евгения Леонова. Или неужели не достоин сценариев Анатолий Кузнецов, так блистательно сыгравший роль Сухова в фильме «Белое солнце пустыни»? Почему на Западе писались сценарии для Жана Габена, а у нас для Ю. Толубеева — нет? Был бы так знаменит Акира Куросава, если бы он не ставил ряд своих фильмов с Тосиро Мифуне?

— На одном из недавних собраний актерской секции СК СССР был поставлен вопрос о создании Ассоциации актеров. Чем это мотивировано?

— Мотивировка одна: повышение престижа актерской профессии. Зрители правы, отмечая падение профессиональной актерской стороны многих наших фильмов. Вот во имя этого и должна работать актерская ассоциация. Что это даст? Мы будем иметь права на хозрасчет, на свой материальный фонд, наконец, очень важно, чтобы у нас были и свои юристы, способные защищать наши профессиональные, творческие и экономические права. Тут еще много нерешенных вопросов. Но ясно, что кто-то же должен отвечать; почему годами простаивают без работы многие талантливые актеры?

— Что, на ваш взгляд, необходимо, чтобы актер был высоким профессионалом?

— Для многих это может показаться странным, но я считаю: прежде всего актер должен иметь здоровье. Он должен следить за собой непрерывно, как музыкант за состоянием своего инструмента, как певец, который бережно относится к своему голосовым связкам. Инструмент артиста — это его тело, осанка, походка, внешний вид и, конечно же, богатство души, пластичность эмоций, темперамент, готовность к решению сложных психо-физических задач в роли.

— А может ли актер, который долгое время не снимается, сохранить такой профессионализм?

— На этот счет у меня своя точка зрения. Иные мои коллеги говорят, будто могут потерять профессиональную форму, если не станут сниматься, пусть даже в плохих картинах. Но актерская работа у профессионала идет все время, даже тогда, когда он в простое. Правда, бывает, я и сам иногда снимаюсь в фильмах среднего качества. Но не для поддержания формы, а чтобы попробовать себя в ином качестве. Такие роли я расцениваю как свои актерские этюды.

Ведь, откровенно говоря, хороших работ у меня было не так уж и много. Наверное, это Алеша в фильме «У озера», Дроздовский из «Горячего снега», Жюльен Сорель — «Красное и черное»,

Меншиков в «Юности Петра», Пономарев в «Солнечном ветре»... Ну еще две-три работы. Может быть, это и немного, я ведь снялся в тридцати фильмах. Но хочу подчеркнуть, для меня нет проходных ролей. Порой я сознательно иду на риск, не обращаю внимания на сценарий или режиссера, который будет снимать фильм. Знаю одно: я этого раньше не делал, и, значит, нужно попробовать себя в новом качестве.

Наверное, у каждого актера есть дорогие роли, которые остались незамеченными прессой. У меня, например, это роль Куйбышева в фильме «Уполномоченный революцией». Или — Пономарева в «Солнечном ветре». Это — возрастная, необычная для меня роль. Зато моя неудача в фильме «Дети капитана Гранта» была отмечена в ряде рецензий.

— Вы считаете эту критику необъективной?

— На мой взгляд, критика должна не констатировать, а вести профессиональный разбор игры актера, чтобы помочь ему увидеть свои ошибки и избежать их в будущем. Но я что-то таких статей не могу вспомнить. Как артист я больше учусь на ошибках, чем на удачах. Отрицательный опыт — более драматичный, что ли. Он заставляет о многом передумать, многое перестроить в себе. А это — чрезвычайно полезно, если хочешь творчески расти.

— В прессе довольно дружно ругали фильм «Пираты XX века». В нем вы сыграли необычную роль — одну из главных ролей — механика Вехерева. И были признаны за нее лучшим актером года. Как вы относитесь к этому феномену?

— Именно как к феномену, над которым стоит поразмышлять. Время позволяет теперь смотреть на этот фильм другими глазами, поскольку, признаюсь, раньше я относился к нему с иронией, а то, что стал «лучшим актером года», воспринял даже с обидой. Играл Жюльена Сореля — лучшим актером не называют, а тут вдруг столь почетный «титул»... Я, конечно, понимаю, «голосовали» за меня в основном подростки, по многу раз смотревшие «Пиратов XX века». И этому есть свое объяснение. Они тянутся к романтике подвига, к утверждению мужской силы. То есть к тому, что во многих наших картинах напрочь отсутствует. Да, я смотрю на этот фильм как на феномен, право, не знаю, с каким знаком — «плюсом» или «минусом». Ведь его посмотрели почти сто миллионов, и от этого отмахнуться нельзя.

— Что вы больше всего цените в работе на съемочной площадке?

— Партнеров. Мне везло. Я работал, например, с двумя великими русскими актерами — Нонной Мордюковой и Иннокентием Смоктуновским. Это картины — «Возврата нет», «Семья Ивановых», «Исполнение желаний». У них совершенно разная актерская природа. Мне кажется, Смоктуновский идет к образу больше от ума, а Мордюкова — от сердца. Она нашу профессию называет «сердечно-сосудистой акробатикой».

Мне нравится работать с режиссерами, которые любят актеров. А сегодня, как уже говорил, это большой дефицит. Вся моя жизнь, весь мой быт определяются в целом только работой. Приучили меня к этому мои педагоги — Т. Ф. Макарова и С. А. Герасимов. А с возрастом повышается ответственность за то, что ты играешь. Сейчас я, например, ощущаю, что работаю не в полную силу: мне часто предлагают то, что я уже играл. Так наступает пробуждение, становится неинтересно, и начинаешь подумывать о театре. Конечно, сделать такой шаг очень трудно. Вот эта мысль меня сейчас гложет: в театре возможностей у актера больше.

— И все-таки довольны ли вы своей актерской судьбой?

— Ею можно быть довольным только тогда, когда она все время доставляет тебе удовольствие. Но ведь это невозможно? Однако, если быть откровенным, мне повезло в кино. Каждый художник знает источник своих мук для себя я определил, что сам им являюсь — источником всех своих бед и неудач, мечтаний и удач, надежд и сожалений.

Беседу вел
Юрий СЛАВИЧ.